

A glowing white ghost with two black eyes stands in a field of yellow dandelions under a full moon. The scene is set at night, with a full moon in the dark sky. The ghost is the central focus, surrounded by a dense field of dandelions. The overall mood is mysterious and spooky.

Хранители

Радгаш

Радан
Хранители

«Автор»

2024

Радан

Хранители / Радан — «Автор», 2024

И у заброшенных мест есть свои хранители – древние, мудрые и ожидающие человека, способного вспомнить об их присутствии в этом мире. Они живут так же, как люди, но дольше, они испытывают чувства, присущие людям, но и неизвестные смертным, они знают о том, что недоступно знать человеческим душами, и не забывают того, что прочими существами давно забыто. Жаль, что умирают деревни. Почему мы их не спасаем?..

© Радан, 2024

© Автор, 2024

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Радан Хранители

I

Кто ведает, как зарождается сила?.. Возникает искра, но из чего она возникает и к чему? Так и я не ведаю, откуда взялся, и не буду ведасть, как уйду.

В зиму я зародился – из вьюги вышел, прямо под сруб неказистой избы, собранной из дремучей сосны. Был я тогда мал да удал, а уж с самого начала ведал, по что пришел на этот свет. Породили меня душевным призывом люди, чтоб хранину их оберегал, да уж хромина то была – одно слово да крыша с четырьмя стенами и трещашей печью, кое-как залатанной глиной. Но был то хороший дом, потому как люди в нём хорошие обитали: как лунь седой старик с быстроногим внуком, а с ними пара лаек дымчатого окрасу да подранок-кот, с которым мы сразу сладили. Нужен я им был, ой как нужен! Зажмуришься, вспомнишь, и даже сумрачно становится оттого, что миновала эта нужда. Этакие времена настали: люди людям не нужны, а домовые уж подавно.

Мне уж три тысячи первый год этой зимой наступил, а зачем? Кто б ведал, а я не ведаю уж. Живу себе поживаю, а всё ж вроде как помираю. Вот этому дому, в котором я живу уж сто второй год, всего-то сто пять год – младенец по моим летам, а по летам домов так дряхлый старик, уж отживающий свои последние дожди и снега. Обитаю я под давно уж не топленной печью, когда просыпаюсь, так рву паутину, но просыпаюсь я уж всё реже да реже – могу проснуться только от грома с грозой или от снежной бури, а так всё пребываю в некоей сумрачной дрёме. Должно быть, так некоторые люди уходят, как домовые – бессознательно, а всё ж чувствуют, но и поделать ничего уж не могут. Такова судьба, такова природа...

У этого дома много было хозяев – и хорошие, и дурные – да все из одного рода. Первым хозяином был молодой муж с густой бородой, звали его Волынка. Уж почему так его прозвали, я не ведаю, но на волынке он точно не играл. Поди может за то так кликали, что тянул он свои слова да дела подольше, чем остальные люди, так и примечал он чуть более прочих. Моё появление в его доме Волынка сразу заметил, да всё ж началось раньше...

Рассыпалась первая храмина, в которую меня призвали: не стало сивоволосого деда, быстроногий да повзрослевший внук собрал свой узел, взял лаек, да и сышол... Верно напрямик поближе к людям жить да добра наживать. Меня с собой он запомнил позвать, а кот-подранок, ладный охотник на мышей, сам не захотел идти: верно мы с ним сдружились, так я за ним и поглядывал. А когда кота не стало, привечал лесных путников, заплутавших в лесу и случаем набредших на мою разваливающуюся заимку, бывало и прогонял больно нерадивых, прогонял с уханьем, да до испугу. А когда уж пришло время разваливаться избушке и завелся в ней лесной дух, так и я, по примеру смышлёного молодца, собрал свой узелок и впервые отправился в мир...

Что уж говорить, много я блуждал да бродил, да много видывал: где-то приживался, откуда-то выпроваживали, но всё ж больше уважали, да не обижали, да и характер у меня всегда был недурён, как у некоторых, особо молодых или дремучих домовых. Я ж был в содружестве с шестьюдесятью двумя хозяевами, на пятерых то серчал, то радовался, и только трёх изводил. У иных домовых оборотные заслуги: много какие и с одним хозяином могли жить кряхтя да нехотя, да едва ли дружно и со всех сторон не очень-то старательно. Я не таков был, когда все мы были нужны. Ай и что с того? Теперь все мы одинаково ненужные: и вредные, и безвредные. Того гляди, все совсем исчезнем. Некоторые уже поспешили да и первее

прочих исчезли. В прежнее время, древнее и прекрасное, редкий домовый исчезал от забвения, а теперь бесповоротно исчезнувших намного больше, чем всё ещё остающихся. Редкость мы ныне – вот оно как! Ещё двести лет назад в каждом доме по домовому водилось, а то уж и по двое бывало, когда умудрённые домовые молодых домовят в учение не брезговали брать, а нынче... Нынче и новые домовые-то не родятся из священного ниоткуда, чтобы после исчезнуть в священное никуда. Старики дряхлые, самые уж древние из древних, с силой из прошлых веков, да и остались. Сироты мы теперь, до которых никому-то нет интереса, но пусть худо, что исчез не тот трескучий интерес, но священная надобность. Вот как бывает на этом свете. Исчезну, а кто заметит?.. Древние друзья, до сих пор не сгинувшие, да и те не сразу – как поймут, что исчез, коли редко уж заглядываем мы друг к другу: так водится, что под крышу хранители наружные в крайнюю редкость захаживают, а вот хранители очагов могут ходить наружу. Да я уж стал как-то тяжёлый на подъём, кабы проверить, крепятся ли ещё полевики с банником, да водяной с лешим – даже по своим владениям уж не шаркаюсь, чтоб от звучанья собственных шагов по скрипучим половицам случайно не затосковать уж слишком сильно.

Со здешним лешим я познакомился не так давно, всего-то сто два года назад, когда пришёл в эти края из далечей деревни. Подвёз меня водяной – он и в той деревне правил, из которой я ушёл, и в эту деревню он тоже захаживал: вод у него в то время было много – одна подземная река, да множество наружных речушек, три полевых да пять лесных озёр, да богато бьющих ключей-студенцов. Он перевёз меня по реке на листке кувшинки, резво раздвигая перед моим незамысловатым плотом буйно цветшую в том году ряску. Много порогов было на нашем пути, да не потопил и не замочил старый друг – всё чинно сделал, весь путь баял басню про свою самую старшую русалку, да русалки мне были не очень-то по нраву: вредоносные, мучающие людей почём зря, да не пугающиеся домовых – а что им нас пугаться, коли вне домов у нас большой силы нет, а в дома они не захаживают, коли их только супротив их воли не затянут.

И с полевиком здешним я в ту же ночь дружбу свёл, он-то меня к этой славной избе и подвёл – говорит, мол, хозяйева прогнали злого домовика ещё до зимы, а нового никак зазвать забыли, вот хоромина и без достойного заступничества осталась. Вот так-то я тут и завёлся, в доброй избе, срубленной из морёного дуба – такая изба не один век должна бы простоять, да в начале нового века осталась без хозяев, запустела, а теперь вот крыша прохудилась – прошлой осенью небесная вода начала капать да знай течь по внутреннему брусу.

Эх...

...Ныне водяные, как и весь заповедный народ нечеловеческий, угасают. Не так быстро, как домовые, потому что могут в них куда великая, а всё ж гаснут. Вот и мой знакомый всё прозрачнее становится, всё реже навещает меня с полевиком – стоит ли тревожиться об оном?.. Я уж и просыпаться не думал до осенних гроз, как вдруг – чу! – потревожили, да сон мой спугнули. Кто бы там?..

II

Сказывал ли я, что не со всеми хозяевами ладил, да не все со мною сдюживали? О, как я был добр и настолько ж бывал ужасен! Я баюкал слепых котят пятнистой кошки и душил злую бабу за дурное зельеварение, я помогал красной девице с пряжей и взмывал коня дурному хозяину. Ух, как я однажды разошелся – чашки и плошки летали по дому, ударялись в чёрны головы дурных людишек! Сбежали те хозяева, отдали дом семье брата хозяйкиного, думали, что так и погубят его, чтоб всё наследство себе забрать, ан нет, эти хозяин с хозяйкой мне приглянулись – не забывали делиться со мной парным молоком, да мёдом потчевали, а я деток их укрывал по ночам тёплой периной, да их обувь ровнёхенько расставлял, в хлеву животинке сеном подстилал... Что за времена отбыли! Ни в пример нонешним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.